

18+

ТАТЬЯНА МЕЗЕНЦЕВА

The illustration depicts a man and a woman in a rural setting. The man, on the left, has long, dark, curly hair and a weathered face, wearing a dark blue jacket and a yellow scarf. The woman, on the right, has long brown hair tied up and is wearing a purple and orange plaid shirt with a backpack. They are standing on a dirt path that leads through a green field towards a wooden house with a red roof. In the background, there are more houses and trees under a blue sky. The overall style is painterly and atmospheric.

ПО ДОРОГЕ В КОПЕНГАГЕН

Пронзительная история о семье, прощении и о том, что настоящее богатство нельзя измерить в деньгах

Татьяна Мезенцева

По дороге в Копенгаген

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73006887

ISBN 9785006886384

Аннотация

Она выставила отцу счет за неоплаченное детство – миллион. Но в глухой деревне её ждал не герой лётчик, а опустившийся чудак, а еще сломанный автобус. Чтобы выжить, Нике пришлось разбудить спящее сердце – своё и целой деревни – поставив силами местных жителей спектакль, который изменил всё. Иногда путь в Копенгаген начинается там, где дороги обрываются.

Содержание

День первый	5
День второй	29
День третий	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

По дороге в Копенгаген

Татьяна Мезенцева

Корректор Евгений Кононов

Автор стихов Евгений Котцов

Иллюстратор Марина Шатуленк

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Татьяна Мезенцева, 2025

© Марина Шатуленк, иллюстрации, 2025

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-8638-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

Пазик фыркнул точно норовистый конь, подкинул утомленных духотой пассажиров, дернулся и замер с чувством выполненного долга. «Остров, приехали!» – крикнул водитель. «Эх ты, Попрыгунчик, – беззлобно выругался бородастый дедок в оранжевой бейсболке, – чо ж, я всадник, чтобы так скакать, да без седла-то?» Бабы вразнобой захихикали.

Двери, похожие на старую гармонь, медленно, с шипением открылись. Мужички и бабы, навьюченные баулами, вывалились в рыжее пыльное облако.

Ника нерешительно направилась к выходу. С тоской взглянула на игривую бахрому по периметру лобового стекла, на байковое одеяло, выброшенное на кожух мотора. Не хотелось покидать эту трогательно-домашнюю развалюху. Стоит ли выходить? Кто она? Всего лишь подросток пятнадцати лет. Получится ли? А может, зря она все это затеяла?..

Парной незнакомый воздух, замешанный на травах и кострах, нежной ладошкой прикоснулся к щеке. Ника накинула на плечи рюкзак и спрыгнула с подножки автобуса. Огляделась. На краю небольшой площади – одноэтажный кирпичный дом с зеленой вывеской «Продукты», на соседнем деревянном – синяя табличка «Почта».

Всезнающие бабули возле магазина вели оживленный раз-

говор. Прислушалась. Разобрать трудно. Мерный звук голосов переплетался с жужжанием мух и гудением стрекоз, выпрыгивали кузнечиками отдельные фразы: «а Лешка-то со Светкой-самогонщицей провожается», «гляди-ка!», «че хоть ты, Петровна, лязги-то собираешь?».

Ника подошла:

– Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, вы знаете Плетнева Валерия Федоровича?

Бабульки замолкли, посмотрели на нее с обычной старушечьей смесью подозрительности и любопытства.

– Как не знать – знаем. А ты, девушка, чья будешь?

– Ничья. Скажите, как его найти?

– Ишь ты – ничья, – бабули обменялись разочарованными взглядами, поджали губы, но ответили: – Иди вот по этой улице до конца, по правую руку на отшибе увидишь некрашенный дом, в бурьяне, без забора. Там своего Валерку и отыщешь.

– Спасибо.

Ника бодро зашагала по дороге. Цветные домики с резными наличниками приветливо подмигивали ей окошками, посылая солнечных зайчиков. Цветы иван-чая, кучно растущие вдоль обочин, с грацией тонконогих манекенщиц тянулись к Нике, качали растрепанными розовыми головками, как будто ждали команды начать модное дефиле. Она сорвала несколько. По привычке пошла в гугл за подсказкой, как сплести венок, но интернета не было, поэтому с сожалением

выбросила.

Вскоре домики по сторонам улицы кончились, и саму дорогу внезапно перегородили заросли бурьяна и крапивы. До леса, который с площади едва виднелся, теперь, казалось, рукой подать. Ника растерянно оглянулась. Запутали вечно недовольные бабушки, не туда отправили? Уже хотела было повернуть обратно, но сквозь заросли разглядела что-то похожее на избушку. И, точно по мановению волшебной палочки, прямо под ногами обнаружила узкую тропинку в обход, по ней и пошла.

Домишко выглядел необычно. Вроде покосившийся, обветшалый – того гляди развалится, – но было в нем что-то диковинное, даже сказочное. Стена! Одну стену украшали глянцевые каменные плитки желто-оранжевых оттенков – на солнце они сияли и перламутрово переливались, как чешуя золотой рыбки. Ника невольно улыбнулась. Подошла ближе, потрогала стену: она была теплой и гладкой. Заглянула в окно: сквозь солнечные блики ничего не разобрать. Обошла дом вокруг. Дверь приоткрыта. Постучала. Хриплый кашель известил, что в доме кто-то есть.

– Тут я, тут, – просипел мужской голос.

Небритый мужичок неопределенного возраста, с длинными волосами, собранными в хвост, высунул наружу голову:

– Чем обязан?

– Плетнев? – растерянно пробормотала Ника.

– Ну. Он самый.

– Валерий Федорович? – уточнила недоверчиво.

– Паспорт, что ли, показать?..

Ника скинула со спины рюкзак, расстегнула молнию, вытащила из внутреннего кармана фотографию, протянула мужичку. На фото улыбающийся длинноволосый парень с гитарой обнимал девушку.

– Это вы?

Мужичок подслеповато прищурился, улыбнулся, не размыкая губ:

– Я, кто ж еще! Лет этак двадцать назад.

– Шестнадцать, – холодно поправила Ника. Ткнула пальцем в девушку: – А это кто?

– Это? – мужичок пошамкал губами, не удержался – оскалился в широкой улыбке, обнажив отсутствие верхнего зуба. – Так это, как же ее... Ирка! Ирка с польской фамилией. Студентка она была, то ли из меда, то ли из педа... Забыл.

– Троицкая.

– Ага, точно! Ирка Троицкая. А вы откуда знаете? – мужик снова закашлялся.

Ника оглянулась, ища глазами тропинку, что привела ее сюда: может, ну его – развернуться и домой? Немного помедлила, но все же решительно повернула голову и уперлась взглядом в незнакомое лицо. Оно было пустым, потухшим: выцветшие глаза как дно старого оцинкованного ведра, меж-

ду бровей – борозда, след давнего разочарования, в уголках рта – две складки. В общем, лицо было совсем не таким, как на фотографии, не таким, каким Ника его себе представляла.

– Дело в том, что я... ее дочь.

Мужичок встрепенулся, глаза ожили:

– Надо же! У Ирки дочь. Такая большая. А Ирка-то сама как?

– Нормально. Дело в другом. Как бы это сказать... – Ника провела рукой по лбу, вытерла выступивший пот. – Еще я ваша дочь.

Мужик поперхнулся и оцепенел.

– Вам плохо? – встревожилась Ника.

Он не ответил – застыл столбом. Нике почему-то представился городничий из «Ревизора». Немая сцена. «Отомри», – мысленно приказала она, когда пауза стала затягиваться даже по театральным меркам. Мужичок, будто услышав, очнулся и распахнул дверь:

– З-заходите... Заходи, то есть...

Нерешительно раскинул руки. Ника увернулась.

– Ковид? – спросила сухо.

– Чего?.. – мужичок напрягся, потом сообразил: – А, нет. Это так, курю много.

Ника переступила порог. Встречать ее в коридор, казалось, высыпал весь имевшийся в доме хлам. Ведра, корыто, столярные инструменты, куски фанеры, стопки газет – все это загромождало узкое пространство.

– Проходи сюда, – проскочив коридор, мужичок открыл дверь в комнату.

Кто-то шмыгнул под ногами Ники с пронзительным писком. Она невольно вскрикнула. Крыса?!

– Не бойся – это кошка Манька, она пугливая. Приблудилась.

Комната вполне логично была похожа на хозяина: такая же странная, полуживая и запущенная.

– Все планирую порядок навести, да как-то не складывается. Осенью обязательно ремонт сделаю, – хозяин, извиняясь, развел руками. – Ты садись, а я чайку соображу.

Ника поставила рюкзак на пол, сунула руки в карманы, обвела глазами комнату.

Печь, расписанная красными конями на тонких, точно паучьих, лапках, делила комнату на две части. Слева, вальяжно раскинувшись, покоился угловой диван грязно-желтого цвета. Подушка, распластавшаяся бесформенной амебой, лежище одежды на спинке и засаленные шлепанцы на полу говорили о том, что это самое востребованное место в доме. Со стены над диваном безучастно взирал на гостью музыкант с постера – вроде бы Гребенщиков. Рядом с диваном примостился невысокий костлявый стеллаж. Одной ножки не хватало, ее заменяла стопка книг. Несмотря на инвалидность первой группы, стеллаж храбрился, на пенсию не спешил, но и за собой уже не следил: книги на нем были навалены как попало – стоя, лежа, вперемешку с журналами

и сосланной сюда за какие-то прегрешения посудой. На полу наискосок, как экспонат из забытого богом краеведческого музея, лежал пестрый лоскутный половик. Стол был придвинут к стене и заставлен тарелками и кружками, судя по всему, давно пребывавшими в посудной nirване. А на стене напротив дивана, окном в иной мир, располагался телевизор – большой, плоский, современный, барствующий в этой сонной атмосфере.

Пока Ника разглядывала тоскливый интерьер, Плетнев суетился с чаем.

– Вы... ты, то есть... вовремя: у меня как раз чайник вскипел, только заварю свеженького. Пара минут – и готово. А может, чего покрепче за встречу?

– Мне пятнадцать, – Ника запустила в него возмущенным взглядом, подошла к столу, села на табуретку.

– Сахар только вот кончился, но есть пряники. И еще яблоки.

Хозяин поставил перед Никой чашку и придвинул тарелку с отбитым краем, на которой, сиротливо жались друг к другу два пряника. Несколько яблок, когда-то раскатившихся по столу в причудливой композиции, покрылись сетью морщин и пылью времен.

Ника почувствовала приступ голода и вспомнила, что ничего не ела с раннего утра, поэтому и чаю, и страдавшим от обезвоживания яблокам обрадовалась.

– А я себе налью, если не возражаете... не возражаешь... –

Плетнев ушел в ту часть комнаты, что скрывалась за печью, вернулся с початой бутылкой, выудил относительно чистый, по его оценке, стакан из залежей посуды на столе, плеснул в него жидкости непонятного цвета. – Ну, за встречу!

Ника проводила стакан брезгливым взглядом, поморщилась:

– Вы алкоголик?

Плетнев передернул плечами, крикнул, поднял глаза на Нику:

– Что ты! Завязал. Я свой Байкал давно выпил. Больше не тянет, ни-ни. Это так – случай-то какой!

Он помолчал.

– Шестнадцать, говоришь?

– Пятнадцать, – поправила Ника. Пряник, решив стоять до последней крошки, поддавался еле-еле.

– Пятнадцать... – повторил задумчиво, сощурил глаза, пошамкал беззвучно ртом – видимо, считал. – А звать-то как?

– Ника.

– Нинка?.. А че ж она тебя так чудно назвала, старомодно как-то?

– Какая Нинка – Ника! Вероника Валерьевна Троицкая.

– Вероника Валерьевна... Дела-а... – он надолго замолчал, Нике даже показалось, что завис, как это бывает с компьютером. – Да... Дочь... Неожиданно... Скажу сразу: ты прости меня – в том ведь, что вот так оно, не особо моя-то

вина.

Драматично вздохнул.

– Эх, Ирка, Ирка... Честно сказать, ничего такого важного и не было между нами. Так, почудили.

– Было, не было... А ребенка святой дух надул? – Нике стало ужасно обидно за маму.

– Зачем – святой дух? Мне ведь казалось сперва, что люблю ее. Ох и влюбчивый я был по молодости... А потом как-то все в рутину ушло, скучно стало. У меня девчонок тогда знаешь сколько было! Я ж на «Авторadio» работал – контент генерил, рекламу всякую делал, сам и начитывал, и пел. Девчонки липли – страсть!

– И что?

– Ну, и ушел. От Ирки. Мы в Калининград должны были ехать, билеты уже купили. Отец с рейса пришел в порт. С машиной. Надо было перегнать. Пошел я домой за паспортом да и не вернулся. Потом уж услышал, что Ирка вроде как беременная. Я ждал, что она сама мне скажет, обсудим. А она гордая – даже не позвонила. А потом закрутилось... Другая жизнь, то да се... Думал, она аборт сделала... Я ж пацаном был: не готов совсем ни к женитьбе, ни к отцовству.

– Ничего себе пацан! – зло перебила Ника. – Тридцать пять – это пацан? От соски, надеюсь, уже были отучены?

Она бросила на тарелку остатки недогрызенного пряника.

– Короче, Валерий Федорович, я что приехала... Должок забрать. Вы, наверное, понимаете, что крупно мне задолжа-

ли. Теперь придется раскошелиться. В общем, с вас миллион. За мое неоплаченное детство. Откажетесь – я в суд подам, с принудительной генетической экспертизой.

Плетнев округлил глаза. Веки задрожали. Уголки губ перекроила то ли испуганная, то ли удивленная улыбка-гримаса. Нога под столом забила дробь – быстрый неровный ритм, как будто сердце свалилось в пятку и там задергалось в конвульсиях. Ника выжидающе молчала, буравя плетневское лицо стальным взглядом.

Когда новоиспеченный отец наконец заговорил, его голос прозвучал скрипом ржавых дверных петель:

– Ишь ты, должок... Да где ж его взять-то, этот миллион?

– Без понятия – это ваши проблемы. Любишь чпокаться – люби и саночки возить. В детский сад, зимой, по морозу. Слышали такую народную мудрость?

– Ну ты погоди, Нинок...

– Да не Нинок я – Ника! Ни-и-ка-а! – протянула она по буквам.

Он резко встал, оттолкнул ногой табуретку с такой досадой, что звук ее падения распорол тишину. Уперся руками в стол, спина сгорбилась, будто невидимая гиря придавила плечи. Несколько секунд смотрел Нике в глаза не мигая. Потом выпрямился, встряхнул головой, как боксер, готовый к бою:

– Ты пойми правильно – это ж хорошо, что ничего тогда у нас с Ирккой не закрутилось. Вовремя я сбежал. Ну на кой

ляд я такой нужен? Несистемный, безответственный, пьющий... Всю бы жизнь вам попортил, никакого просвета... Да и за душой пусто. Ничего у меня нет. Ни копейки. Зря ты явилась.

Лицо его стало каменным – только веки по-прежнему подрагивали, пряча страх за яростью. Некоторое время они сверлили друг друга глазами. Наэлектризованность атмосферы и духота в комнате предрекали грозу.

Плетнев сдался первым.

– Ладно, разберемся, – бросил он отрывисто, и в этом «разберемся» Нике послышалась слабость, эхо пустого кошелька и треск давно лопнувших надежд.

– Разбирайтесь, – отчеканила сухо. – Времени на обдумывание – два часа: в шестнадцать тридцать у меня обратный автобус. А я пока воздухом подышу.

Ника вышла в коридор. По пути прихватила журнал, венчавший кособокую стопку макулатуры. На крыльце облегченно выдохнула: сказала! Села на кривую лавочку, точно иероглифами, испещренную следами ожогов от сигарет, раскрыла журнал, попыталась читать. Но силы ее покинули, воля уступила место апатии. Симфония травяных запахов и убаюкивающий сводный хор насекомых лишали мир углов и причинно-следственных связей. Ника не заметила, как уснула.

– Слышь, Нинок, не уехать тебе сегодня, – кто-то с незна-

комым голосом коваными сапогами прошелся по кристалликам сна.

Ника в испуге открыла глаза, не сразу сообразив, где она и кто этот мужик с хвостиком.

– Волнухин сказал, что автобус сломался – двигатель сдох и еще что-то там. Так что, пока он не починится, мы без связи с райцентром.

– Какой Волнухин? Что значит – без связи? – Ника даже не успела возмутиться тем, что ее в очередной раз назвали «Нинком».

– Шофер наш, Александр Николаевич. Он наш благодетель, отвезти-привезти, хороший мужик.

– Что за треш – «автобус сломался»? Другой не может, что ли, приехать?

– Да что ты! Этот пазик – он у нас один-одинешенек. Хоть и на ладан дышит, а весь куст окрестных деревень объезжает, аж до самой Поповки. Зима, не зима, слякоть, не слякоть – все равно. Потому и ломается часто – бывает, неделю стоит. Да и дороги в глубинке, сама понимаешь... До Митина вон никак щебенку не доведут. А на Николаича мы молимся: он свое дело знает.

Ника растерялась, чуть не заплакала:

– Неделю? И что же делать?

– Так оставайся. С неделей я загнул, конечно: день-два – и уедешь.

– А такси вызвать можно?

– Такси? – Плетнев закашлялся трескучим смехом. – Кто ж попрется в такую глухомань, в наш чертов угол! И это сущее разорение – у меня и денег таких нет.

– А можно с машиной какой-нибудь договориться?

– Да что ты! У Котова «Нива» давно стоит, чего-то там с гидрокомпенсаторами. А другие, у кого машины есть, те в городе работают, приезжают только на выходные. На неделе в деревне пусто – почитай, одни школьники да старики. Ни тем, ни другим авто ни к чему: первые на скутерах гоняют, а вторым разве что катафалк понадобится.

– Жесть... Неужели никак не уехать?

– Ну, только если пехом. Напрямую – двадцать девять километров через лес. Оно, конечно, можно, но, случается, и кабанчики на дорогу выходят, и медведей грибники видели... Оставайся! Пара дней тебя не убьют. А я сейчас добегу до Тоньки Рословой – сметаны возьму, свининки. Приготовлю тебе жаркое деревенское.

– Знаете что... Идите вы со своим жарким! Гостиница тут есть у вас или какой-нибудь хостел?

Плетнев сипло рассмеялся:

– Ну ты даешь – какой хостел в деревне! Молодежи тут не осталось совсем, как школу оканчивают – уезжают, а к бабулям нашим городские кавалеры в гости давно не наведываются... Располагайся у меня. Диван есть, одеяло, подушку свою дам. Сам уйду на поветь. Там у меня сенник мягкий, спать – одна благодать. Останешься?

Ника дернула плечом, оставив Плетнева без ответа.

– Ну ты осмотришь тут пока. А я – к Рословой.

Он с большой холщовой сумкой растворился в бурьяново-крапивной стихии.

Оставшись одна, Ника зашла в дом, чтобы оценить обстановку и риски. Вполне исторический факт – все-таки отец – успокаивал, оставлял надежду на безопасность. Хотя чего ждать от мужика, которого видишь впервые в жизни?

Искать компромат было особенно негде. Подошла к многострадальному книжному стеллажу. Среди книг – Ремарк, «Преступление и наказание» Достоевского, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», какая-то привокзальная беллетристика. За печкой – две здоровенные акустические колонки, перед такими колбасит фанатов рок-групп на концертах. Пристально взгляделась в автограф Гребенщикова на плакате – вроде настоящий.

Нагромождения грязных тарелок на застеленном клеенкой столе издали можно было принять за макеты отвергнутых проектов какого-то неудачливого или непризнанного архитектора-авангардиста. Брезгливо ухмыльнулась: «Красивое слово – прокрастинация. Пока не начнется гепатит». Приподняла край клеенки (бабушка иногда зачем-то клала под скатерть деньги и квитанции): пусто. Деревянная поверхность стола, испещренная царапинами, кругами от стаканов и ожогами от окурков, хранила следы лихих посиделок. Нике стало грустно: навряд ли с их завсегдатая можно

получить то, что ей так необходимо.

Плетнева не было долго. Ника несколько раз проверила телефон. Интернет, мерцая одной полосочкой, угасал: ни сайты, ни мессенджеры не открывались. От нечего делать Ника стала листать журнал с пожелтевшими страницами. Первое, что попало на глаза, – Леонид Филатов, «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Стихи. Ника равнодушно перевернула страницу, потом еще несколько, взгляд выхватил смешные строчки:

*Ты ж подстроила, чтоб гость
Ненароком сел на гвоздь,
А отседова у гостя —
Политическая злость!*

Хмыкнула. Пролистала к началу:

*Верьте аль не верьте, а жил на белом свете
Федот-стрелец, удалой молодец.*

Плетнев вернулся взволнованный. Оставил у порога сумку:

– Давай, Нинок, подсуетись. Мясо кинь на сковородку и картошку быстренько почисть. Мне покумекать надо.

– С какой радости? Не видите – я читаю, – капризно фыркнула Ника, пропустив «Нинкá» мимо ушей.

Однако есть хотелось. Стоило только представить карто-

шечку с мясом, как мурлыкнул живот и потекли слюнки. Она нехотя отложила чтение и принялась за готовку.

– Понимаешь, какое дело, – вздохнул Плетнев, – проблема у меня. Вопрос жизни и смерти. Встретил Вальку с почты, говорит – с Ямской ЦКС сегодня звонили, меня искали.

– Что это такое?

Мясо, очевидно, было одной породы с пряниками и тоже отказывалось покоряться судьбе. Ника героически боролась с вертким куском свинины, который никак не резался, а лишь издевательски распластывался под туповатым ножом. Дома-то она покупает ровные тонкие кусочки, аккуратно разложенные в лотке, и перекладывает их на сковороду, не пачкая рук...

– ЦКС? Ты не знаешь? – Плетнев недоуменно хмыкнул. – Централизованная клубная система, начальство то бишь мое. Я ведь здесь завклубом числюсь. Перезвонил, короче. Представляешь, там новый директор, Щавелев, собрался ко мне в клуб делегацию возить через две недели, чтобы я, так сказать, в канун нового сезона поделился передовым опытом с другими клубами.

– Это поощрение? – рассеянно переспросила Ника. До сельской духовной пищи и раздающего ее клуба ей не было никакого дела – куда больше волновало мясо, которое отчаянно сопротивлялось.

– Да как сказать. Дело в том, что показывать-то мне нечего. Клуб давно уже мертвый. Какие мероприятия, когда мо-

лодежь разъехалась, а у стариков в голове не Маккартни и Джаггер, а Альцгеймер и Паркинсон! Не детей же развлекать, которых и так раз-два и обчелся. Это раньше здесь жизнь кипела – концерты, праздники, дискотеки, а сейчас ноль да маленько...

– Тогда что за передовой опыт он имеет в виду?

– Да это я сам дурак – планы и отчеты живописные строил. Чего только не сочинил! И развлекательно-познавательные программы в традиционном русском стиле, и семейные фотоконкурсы с выставками, и масленичные гулянья... Какие-то рождественские посиделки с бубликами приплел, музыкальную гостиную «Романтика романса», час истории «Русские былины», киноклуб, семейные пикники, селфи-акции. Несло, в общем, Остапа...

– И что, ничего этого не было?

– Ничегошеньки. Думал – вот соберусь, организую что-нибудь, а потом такая лень накатывает: зачем, кому все это надо в нашем медвежьем углу?..

– Зашквар! И зачем вы это делали?

– Ну, знаешь ли, каждый сам зажигает себе звезды и сам до них не доходит.

– А зачем зажигать звезды, до которых не дойти?

– Эх, дорогая, профессиональному мечтателю трудно ответить на такой прозаический вопрос.

– И что теперь?

– Что, что... Хорошо, если поставят на вид, а скорее – по-

прут с работы, по статье какой-нибудь. Клуб закроют в связи с нерентабельностью, и останусь я без гроша. Куда потом деваться, на что жить?..

Нике было все равно, куда ему деваться и на что жить. В конце концов, каждый получает то, что заслуживает, – как те звезды, до которых не доходит.

– Вижу, ты еще та повариха, – беззлобно подтрунил Плетнев, оттеснив Нику от стола. – Давай уже я сам сделаю. А кстати, тебя дома не хватятся?

– Не хватятся. Маман в Копенгагене, а бабуля в заблуждении.

– Эвона как – в Копенгагене... А ты, значит, самостоятельная, – в руках Плетнева мясо стало мягким и послушным, аппетитно зашкворчало на сковороде. – А что, Ирина замужем?

– Естественно.

– Счастлива?

– Невероятно.

Ника едва дождалась момента, когда они сели за стол. От тарелки с жарким шел такой восхитительный аромат, что было все равно – это тарелка Императорского фарфорового завода с золотой каемочкой или простая алюминиевая. И отсутствие сервировочного ножа аппетита не убавляло. Ника набросилась на еду, исключительно из вежливости помедлив, чтобы поинтересоваться планами Плетнева по выходу из сложившейся ситуации.

Тот же совершенно не спешил, задумчиво перебирал вилкой кусочки мяса, словно исполняя какую-то восточную мясную церемонию.

– Эх, жизнь!.. Видать, так и помру никчемно, с голоду, – он тяжело вздохнул, и вдруг слеза, неожиданная, безнадежная, появилась в уголке глаза и стыдливо, сама того не желая, поползла вниз, оставляя мокрый след.

Ника перестала жевать. Странное чувство: ей стало жалко его, одинокого, растерянного, с этим нелепым хвостиком.

– Может, ты мне поможешь? – Плетнев высморкался в замызганный платок и потер красные глаза. – Я могу сделать большой творческий вечер Валерия Плетнева. Стихи почитаю свои, песни спою под гитару, пошучу... Вот только, понимаешь, надо бы прибраться в клубе и объявление красивое нарисовать, на магазин повесить – там все увидят. Мне одному не справиться.

– Вы это серьезно?! – едва родившееся чувство сострадания не прожило и нескольких секунд. – Не, не заходит. С какой стати мне быть соучастником возведения ваших потемкинских деревень?

– Почему «потемкинских»? Я ведь просто, по-человечески прошу. Опять же, пока ты тут, я смогу денег подсобрать. Мне долг должны отдать. Ну, еще администрацию потрясу насчет бюджета на мероприятие.

– Сколько?

– Что – сколько?

– Сколько денег соберете?

– Что за лавочничество, Вероника! – воскликнул Плетнев, впервые назвав Нику правильно. – Не мелочись. Деньги будут после реализации проекта.

Ника прикинула: уехать ей никак – времени свободного уйма. Так и быть, придется помочь горемычному родителю. Но на всякий случай нахмурилась:

– Я подумаю.

Клуб располагался в одноэтажном деревянном доме с резными наличниками и высокой крышей, как у терема. Почти повсеместно облупившаяся светло-зеленая краска в анамнезе позволяла легко поставить диагноз: хроническое безденежье сельской администрации. Попасть внутрь оказалось делом затруднительным, потому что крыльцо сгнило и обвалилось. Подставив доску наподобие трапа, Ника с Плетневым кое-как добрались до двери. То ли забыв, то ли не узнав, то ли не боясь непосредственного начальника, та долго не поддавалась.

То, что предстало перед Никиными глазами внутри, вызвало у нее восторг. Волшебное царство паутины и антикварных, почти музейных вещей – Тим Бертон отдыхает! Разноцветные фанерные панели на стенах выгнулись от сырости и напоминали вздыбленные морские волны. Разбросанные на полу допотопные пластинки и аудиокассеты, плакаты с поп-группами, брошюры, опрокинутые урны для го-

лосования виделись дарами штормового прибора, хранящими чужие тайны. Старое пианино с оторванной панелью гармонично вписывалось в апокалиптическую картину: съехавшая вбок рама с неровными рядами молоточков и обвисшие струны превращали инструмент в раненое морское чудовище.

Но самой примечательной деталью был потолок: на зеленом фоне три больших выпуклых бело-желтых фанерных цветка – то ли подсолнухи, то ли ромашки. Крышка у одного отвалилась, и изнутри свесилась гирлянда с разноцветными лампочками. Ника представила, как загадочно переливались огоньками эти гигантские ромашки в темноте дискотеки и как под ними отплясывали парни и девушки...

– Ух ты! Да здесь квесты надо проводить!

– Квесты? Вроде что-то слышал...

– Это такая командная игра, в которой надо решать всякие головоломки или искать клад.

– Ясно, – Плетнев задумчиво поскреб седую щетину. – Ну что, Вероника Валерьевна, с чего начнем?

– С главного, – Ника достала телефон и стала вбивать. – Первое – требуйте у администрации, чтобы покрасили дом и поправили крыльцо. Внутри разберемся своими силами. Если есть школьники, можно их привлечь, и заодно нарисуем с ними плакаты. Короче, вы звоните главному, а я схожу в магазин – узнаю, что там с автобусом.

– Вероника, ты – чудо! Мое счастливое провидение! Итак,

первый ход – е-два – е-четыре, а там... А там – как карта ляжет, – воскликнул повеселевший Плетнев.

Он окинул взглядом заброшенное помещение и, сославшись на то, что надо набросать примерный сценарий бенефиса, отправился восвояси.

– Сказали, что автобуса не будет сегодня-завтра. Полетели какие-то важные детали. Волнухин заказал их, но на складе в райцентре пока нет – пришлют, как только появятся. Сам Волнухин на озеро уехал, за лещами, – сообщила Ника с порога.

– А ты молодец, Вероника Валерьевна: хорошую мыслишку подкинула, – задумчиво пробормотал Плетнев. – Я тут чего подумал: придадим клубу божеский вид, проведу я как-нибудь этот смотр-парад для галочки – да и сдам помещение в аренду. К примеру, под центр экскурсий по местности. С этими твоими, как бишь их... квестами. Пусть городские развлекаются в российской глубинке. Патриотизм сейчас в моде.

– Капец как стыдно за вашу левую коммерцию, фу-фу-фу – кринжатина, – не оценила идею Ника.

– Ну вот, опять я один против всего света и, что еще хуже, весь свет против меня одного, – Нике показалось, что где-то она это уже слышала. – Зато стабильный доход. Считай, в месяц можно просить пятьдесят-семьдесят, уровень доходности – сто процентов. Так мы твой миллион за год

наколотим, если еще вклад в банке откроем под семнадцать с половиной процентов. Это, конечно, если мне долг до этого не отдадут... Одним словом, лед тронулся, господа присяжные заседатели, и командовать парадом буду я!

К вечеру июльская жара спала и деревянный дом Плетнева наполнился приятной прохладой.

– Надо же, как ты на матушку мою, Тамару Петровну, похожа. – Плетнев расчувствовался, погрустнел. – Она такая же изящная была, и глаза разные, как у тебя: один карий, другой серый.

– А где она сейчас?

Плетнев в ответ тяжело вздохнул, шмыгнул носом:

– Так нету. Как батя помер, Димка, средний, квартиру на себя переписал. Он тогда плавать начал, женился, в гору пошел, вот матушку с младшим, Илюхой, и выселил в коммуналку на окраину. А я тогда уже в столицу отбыл, себя искал... Матушка поначалу приспособливалась, Илюху поднимала, но мало-помалу попить начала, связалась с алкашами. А потом и вовсе пропала. Я в розыск подавал. Где-то через полгода выловили тело в реке. Сказали – со следами насильственной смерти.

– Ужас, – все, что смогла выдать Ника: бабушку она не знала, а чужая спившаяся женщина искреннего сострадания не вызвала.

Выпив чашку деревенского молока с большим ломтем

хлеба, Ника уже основательно захотела спать. На часах было девять. Плетнев поворчал насчет детского времени и ехидным голосом посоветовал посмотреть «Спокойной ночи, малыши!», но в конце концов сдался – ведь он сам предложил Нике остаться. Расположились как условились: Ника – в комнате на диване, Плетнев – на повети.

Ночью зарядил дождь. Он исступленно барабанил по крыше. Спала Ника плохо, прислушивалась к незнакомым звукам, тревожилась, считала во сне деньги, бесконечно сбивалась, а когда почерневшие от сажи молоточки на старом пианино зловеще запрыгали, выстукивая «Агонию» Альфреда Шнитке, и вовсе вскочила. Не сразу сообразила, что это дрозды устроили распевку в пять утра.

Спать больше не хотелось. Раскрыла журнал со сказкой:

*Проходил я целый день,
А удачи – хоть бы тень.
Ни одной полезной птицы,
Всё сплошная дребедень...*

День второй

Тяжело заскрипела лестница под ногами спускавшегося с повети Плетнева. Ника коснулась экрана телефона. Семь часов пятнадцать минут. Интернета нет. В голове вместо мозгов какой-то войлок и вата.

– Кофейку бы, – шершавый голос Плетнева, точно наждачной бумагой, царапнул ухо.

– Вода кончилась, – бесстрастно ответила Ника, также без приветствия. – Я умылась – на чай не хватило.

– Так сгоняй до колонки! Пять раз могла бы уже сбежать.

– Вы издеваетесь? Жесть!

– Да нисколечко. Дождь ле фини. На улице блаженная утренняя прохлада. Самое время. А мне перво-наперво надо сигарету и кофе – без этого я мертвый.

– Я не понимаю – а водопровод где? – Ника взбунтовалась.

– Трубы забились листьями, насос надо менять. Просто руки пока не доходят, – аргументированно отбоярился Плетнев. – В колонке в центре вода есть, причем артезианская. Все туда ходят.

– А что, доставку не заказать?

Плетнев глянул на Нику как на инопланетянку и сипло рассмеялся:

– Да не вопрос! Бабка Матрена на коромысле принесет, ее смена – она из-за бессонницы часов с пяти на ногах. Сразу

будет тебе и ванна, будет и кофэ, и какава с чаем... Ведро за печью!

У колонки пришлось встать в очередь. Женщина в цветастом платье и розовых кроксах, надетых на синие носки, набирала воду в большую флягу.

Стоявший за ней светловолосый парень оглянулся на Ника, посмотрел с любопытством. Было ощущение, что он одновременно улыбается и хмурит брови. На вид лет семнадцать-восемнадцать, высокий, широкоплечий. Ника улыбнулась, но не в ответ, а осознав, что за пару секунд она разглядела в нем местного сигма-боя. Парень же решил, что Ника улыбнулась именно ему, поэтому вежливо спросил:

– Городская? К кому приехала?

– К Плетневу.

– Дочка?

После некоторых колебаний Ника ответила:

– Типа того.

– Саня, – представился парень, без тени удивления, что у Плетнева обнаружилась симпатичная дочка.

– Вероника.

– Слушай, мы после восьми обычно собираемся у бывшего садика, гуляем. Приходи, Вероника, – с еле уловимой паузой между «приходи» и «Вероника» пригласил Саня.

Ника кивнула.

Набрав воды, Саня потоптался немного, видимо размышляя, стоит ли помочь городской девчонке. Решил, что стоит,

подхватил ее ведро и зашагал по тропинке к плетневским хоромам. Ведро покачивалось, и было заметно, что Саня старается не задевать лодыжкой его оцинкованный бок.

Ника едва поспевала за новым знакомым, хотя Саня и не спешил – он вышагивал с размеренностью человека, который несет не просто воду, а какое-то сокровенное обещание. Так казалось Нике. У крыльца Саня поставил ведро, развернулся, еще раз развернулся и, напомнив про вечерние посиделки, отбыл. Ника была благодарна ему.

Плетнев тем временем успел выкурить сигарету и умиротворенно расположиться перед телевизором. Картинка на экране рябила, сквозь мельтешение полосок можно было разглядеть холеных мужчин в студии, эмоционально спорящих о чем-то.

– Вот знаешь, Вероника, – Плетнев кивнул головой – очки соскользнули по переносице, замерев на кончике носа. Приподняв брови, он устремил взгляд на Нику поверх оправы – этакий мудрец-проказник, который видит мир поверх условностей, – уважаю Фурсова за анализ и предвидение, хотя его весьма убедительно критикует Клим Жуков. Но всё же касательно исторической достоверности у Фурсова крепкая позиция. По части экономики очень рекомендую послушать Хазина. Знаешь Хазина? Но концептуально и диалектически Жукову нет равных – он вообще впереди планеты всей.

Важный вид, который Плетнев старательно на себя напускал, вызвал у Ники внеплановую утреннюю улыбку. И она

тут же вернула его с небес на землю:

– Доставку воды заказывали?

Плетнев хитро прищурился, запрокинул голову, его глаза – насмешливые, с «гусиными лапками» – вдруг показались Нике давно знакомыми.

– Садись, водовоз, сейчас яичницу пожарю.

Повозившись у плиты, Плетнев поставил на стол пышущую жаром сковороду. Заметив, что Ника тянется за тарелкой и ножом, покровительственно хмыкнул:

– Бросьте, Вероника Валерьевна, свои мелкобуржуазные замашки. Кошунственно терзать ножом расплавленное золото, дрожащее в обрамлении белковой эмали. Яичницу едят по-хозяйски – со сковороды: отламываешь мякиш и им зачерпываешь желток. Манифик! Не стесняйся – макай кусочек прямо в этот символ вечности.

Стараясь не запачкать пальцы, Ника попробовала есть яичницу хлебом. Не очень удобно, зато, действительно, вкусно.

– А скажи, Вероника, как ты относишься к христианству? – ни с того ни с сего спросил Плетнев, едва она разделалась со своей половиной сковороды.

– Я буддист, – ответила Ника, изобразив руками Анджели-мудру. – Было вкусно, спасибо!

– Ну что тут сказать... Как увязать христианство и буддизм? Да никак. Я лично утверждаю, что человек, веря в Бога, верит сам в себя. Хотя я лично верю только в людей.

И думаю, что мое безверие помогает мне, оно укрепляет мою самостоятельность, не дает положиться на кого-то. Никто не отвечает за меня. Так я расту – может быть, не всегда правильно, но расту... Понимаешь?

Нике было ничего не понятно.

– Пойдемте уже в клуб, – перебила не очень-то вежливо.

– В клуб, в клуб, – пропел Плетнев. – Ну ты все же признайся: со мной ведь весело, правда? Таких глупостей тебе больше никто не наговорит и в авантюры не втянет.

У клуба на лавочке сидели Саня, новый Никин знакомый, и еще два парня.

– Давненько не виделись! Может, помощь нужна? – плечистый сигма-бой поднялся и сделал шаг навстречу.

– Нужна, очень нужна, – обрадовалась Ника: что скрывать – с ребятами все можно сделать гораздо быстрее, да и, признаться, присутствие Сани почему-то волновало ее. – Надо в клубе хлам убрать, плакаты нарисовать.

– Здорово, молодежь! – хлопнул и потер ладони Плетнев. – Это вы тут удачно нарисовались. Как говорится, разве не стоит миллиона рублей вера в человечество? В общем, на вас – проза, на мне – песня. Вы тут рукава засучите, а я, пожалуй, домой вернусь – репетировать.

Андрюха и Вовка оказались, как и Саня, учениками местной школы.

– Опа, а это кто такая красивая затерялась на нашем Ост-

рове? – сразу было видно, что Андрей не робкого десятка, если вообще не король школы. – Не подскажешь, как мне тебе понравиться?

– Не приставай к девушке, – Саня вскинул бровь без угрозы, но убедительно. – Как ты можешь кому-то понравиться? Гляди-ка бледный какой – поди, до утра в танчики рубился.

– Лучше бледный, чем как ты – зеленый от зависти, – Андрей за словом в карман не лез. – Я хоть в танки умею играть, а не только в тетрис на бабушкином телефоне...

Посоревновавшись для порядка в острологии ради благосклонности симпатичной девочки, парни взялись за дело.

– Я не знаю, как это можно реализовать, но мне хотелось бы, чтобы здесь одновременно стало и чисто, и вот эта бертоновская атмосфера сохранилась, – попыталась объяснить Ника Сане.

Было очевидно, что он не вполне понял, о чем речь. Пушистые светлые ресницы беспомощно захлопали.

– Ну, это такая эклектика, в которой есть разное – элементы сюрра, готики и сложные формы, типа как в фильмах Бертона. Смотрел?.. – Ника постаралась прикрыть столичный снобизм доброжелательной улыбкой.

– Немецкий экспрессионизм, что ли? – принял подачу Андрей.

– Верно, а ты откуда знаешь? – Ника округлила глаза и тут же осеклась: все же ей стоило придержать язык, чтобы не спугнуть инициативу.

– Интересно, – небрежно бросил тот, приглаживая кудри. – Можно круто сделать. Вот смотрите: оставим панели на стенах выгнутыми, покрасим их в серый цвет, сцену сделаем темно-синей, потолок пусть будет зеленым с этими ромашками – только гирлянды не будем внутрь засовывать, пусть обвивают цветки как змеи. Пианино вот сюда поставим, без панели. Можно из шпагата сплести узор вроде паутины и свесить с потолка на пианино. Плакаты старые тоже сгодятся, только в рамки надо вставить.

– Ты гений, бро! – не без ревности констатировал Саня. – Не вопрос – сделаем в лучшем виде. Надо позвать Бориса Ивановича, чтобы крыльцо сколотил. Это наш трудовик.

Ребята с азартом принялись за дело. Мусора набралась такая гора, что было принято решение вызвать тракториста Моторина на его «Беларуси». Саня сбегал к Борису Ивановичу, и спустя некоторое время тот пришел с рулеткой и инструментами. Выслушал идеи, лишних вопросов не задавал, замерил что надо и пообещал попросить старосту подвезти доски.

– Идем на тусовку? – позвал Саня, добавив: – Сделал дело – гуляй смело, ведь так?

Отказываться Нике не было никакой причины. Она кивнула, и компания направилась к бывшему детскому садику.

Одноэтажный домик с облупившейся желтой краской на стенах едва просматривался сквозь плотные кусты. Каза-

лось, пройти к нему невозможно, но мальчишки знали невидимую тропинку. На веранде, где когда-то гуляла малышня, уже сидело несколько ребят.

– Йоу! – поприветствовал Саня собравшихся.

Те лениво ответили и с любопытством уставились на Ника.

– Это Вероника, дочка Валеры Плетнева. Приехала клуб восстанавливать.

Ника изобразила улыбку кинозвезды на красной дорожке:

– Ага, представляю десант от Министерства культуры.

– Пиво будешь? – один из парней протянул ей большую пластиковую бутылку.

Ника взяла и сделала глоток. Пиво было горьким и невкусным.

– Правда, что ли, клуб будете восстанавливать? – насмешливо спросил парень с волосами до плеч.

– Будем. Такой домина у вас стоит без дела.

– А зачем его восстанавливать? Все равно ни дискотек никаких нет, ни секций – даже кино не возят. Валера Плетнев груши околачивает.

– Полегче, Муха: Валера ее отец.

Нике было приятно, что Саня взял своего рода шефство над ней.

– А если так оно и есть? Бабло брать не стесняется, а в клубе палец о палец не ударил.

– Я понимаю, – Ника обвела тусовку глазами. – А самим что-нибудь придумать слабо? Можно ведь и дискотеку сделать, и ка-вэ-эн, и даже театр.

– Скажешь тоже – театр. Помните, пацаны, на английском делали спектакль про Буратино. А Буратину играл этот душнила Масленников. Он еще запнулся о фанерное дерево, и оно упало на голову Елкиной. Елкина матюгнулась. И тича потом шипела как гадюка...

Передавая друг другу пиво, ребята рассказывали курьезные истории. Ника наслаждалась, чувствуя себя звездой на этой вечеринке, – до той поры, пока из-за кустов не появились две девушки. Одна – похожая на сороку: суетливая, остроносая, в очках. Вторая – точно принцесса из сказки: идеальные дуги бровей над синими глазами, розовые губы пушистым цветком, густой хвост пепельных волос и талия, которую можно обхватить ладонями. Все взгляды устремились на ту, вторую, которую кто-то назвал по имени: Света.

Ника перехватила восхищенный Санин взгляд на «принцессу». Звездный нимб над ее головой неумолимо растворился в сумеречной дымке...

В дом Ника вернулась поздно. Плетнев сидел перед телевизором с чашкой в руке.

– О, в папку пошла, – усмехнулся он. – Я, бывало, тоже дома зря не сидел. А чего? Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожи-

тые годы.

– Мусор мы выгребли. Завтра вымоем и красить будем, а Борис Иванович сделает крыльцо. Как ваши успехи?

– Да какие там успехи, – Плетнев махнул рукой. – В голове моей – густая пустота. Нарыл немного старых коротышей, это такие веселые четверостишия. В них емкость моей мысли, так сказать. Вот послушай:

*Себе, как самый близкий человек,
Диагноз я поставил без сомнения:
Да, я, конечно, солнышко для всех —
Вот только... под хроническим затмением.*

– Где смеяться? – поморщилась Ника.

Плетнев почесал макушку:

– Ну тогда вот этот, с призраком Ницше:

*Дворник вымолвил, с запахом стойким,
Философский пузырь теребя:
«Если долго смотреться в помойку,
То помойка взглянется в тебя».*

– И это то, с чем вы хотите большой творческий вечер замутить? Лютый кринж, – Ника обхватила голову руками.

– Сам понимаю, что лажа. Когда-то стихи писал, а теперь одна шелуха осталась. Всё забыл.

– Значит, ничего не выйдет? Все зря? Все ваши обеща-

ния – пустые слова? А я-то думала – вы проект замутите, деньги будут. Даже мысль мелькнула: может, какой-то спектакль силами местных поставить.

– Что за спектакль?

– Какая разница... Теперь понимаю – глупая идея, ничего у нас с вами не получится.

– Что ты, Вероника! Ты даже не представляешь, как получится! Про деньги не беспокойся – вот те крест, что будут. Я ведь после «Авторadio» журналы в первопрестольной поднимал: «Незнакомые лица» – слышала про такой? Так вот, они мне большую сумму должны – три зарплаты невыплаченных плюс за креатив. Они не отказываются. Завтра же позвоню шеф-редактору. Ну, и кроме них есть... А еще у меня песни и стихи в «Авторских правах» зарегистрированы – певцы активно берут, а мне авторские капают.

Ника недоверчиво посмотрела на него, помолчала, сомневаясь, стоит ли начинать:

– Спектакль силами местных – это будет сильный ход. Настоящий хайп. Сказку можно взять любую, вот хоть «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Она в стихах, а стихи легче запомнить.

– Так это ж старье, – разочаровано протянул Плетнев. – Помню, в конце восьмидесятых – я еще пацаном был – у нас в школе старшеклассники ее ставили.

– Ну, быть пацаном – это у вас хроническое, как я пони-

маю, – Ника не преминула куснуть великовозрастного папашу – впрочем, того это ничуть не раздосадовало. – А сказку выбирайте сами, любую, хоть «Маша и Медведь».

– А что ты вдруг «Федота-стрельца» вспомнила? И откуда ты вообще про него знаешь?

– У вас журнал взяла, прочитала. Темки там прикольные: царек этот, нянька-оппозиционерка, народ ригидный, дурак генерал, Баба Яга кринжовая, ну точь-в-точь Малышева с песней про яички. Короче, у меня инсайтов куча...

Будь Плетнев чуть моложе и спортивнее, он бы на этих словах радостно подпрыгнул с боевым кличем. Подпрыгнуть не вышло, но воскликнул он с выражением:

– Замри! Идея отличная. Молодец, Вероника. Генетика все же страшная сила. Ты даже не понимаешь, что ты сотворила! Ты только что меня спасла. Только мне надо немного подумать.

Плетнев почесал лоб, затянул резинку на хвостике и, приняв позу роденовского «Мыслителя», ушел в себя. Вернулся минут через пять. Лицо озаряла спокойная улыбка человека, умудренного жизненным опытом. Стараясь не спугнуть удачу, он молча налил себе чая, окунул в чашку оставшийся пряник, откусил его размякший бок, пожевал:

– Будем ставить! Местные у нас то что надо, люди с пониманием и с этно-флером, так сказать. Сказка про нас. Будет бомба.

– Идею дарю, но – без меня, – Ника остудила пыл лику-

ющего Плетнева. – Надеюсь, завтра автобус починят. А вы, когда долги соберете, просто дадите мне знать.

– Да ты что! Неужели ты меня бросишь?! Разве вас в школе не учат: сам погибай, а товарища выручай?

– Что за бред! Сказала же – нет.

– Эх, Вероника, Вероника, не успела возродить, как тут же убила отца наповал...

– Отца?! Быстрый вы, однако.

Плетнев замолк, поднялся с табуретки и поплелся к двери, скорбно опустив плечи. Взявшись за ручку, обернулся:

– Все, отгулял свое Валера Плетнев. Грядет позор и нищета. Ну объясни хотя бы напоследок – на что тебе миллион-то?

– Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах, – Нике не хотелось обсуждать эту тему.

– И все же?

– Ну... ладно. Чтобы учиться. В национальной киношколе Дании. Она входит в десятку лучших киношкол Европы. Стоимость обучения – больше десяти тысяч евро за семестр.

– В Дании?.. – Плетнев опешил. – Почему в Дании? В России, что ли, нету киношкол?

– Ну, Дания – это Дания. Ларс фон Триер окончил эту школу, Томас Винтерберг. Дания – это вообще мегакрутое кино и незамутненный креатив.

– Незамутненный?.. А ты что, актрисой хочешь стать? – Плетнев снова оседлал табуретку.

– Может быть.

– Респект, дочь! Поддерживаю. Ты потянешь – это я как специалист говорю. Я ведь по актерскому делу... Ну, тогда уж открой и то, откуда про меня узнала. Ирка рассказала?

– Нет. Я эту фотку в книге нашла и с ней письмо старое, неотправленное, где мама писала, что беременна. Почему-то решила не посылать. Спросила у бабули, кто такой. Бабуля сначала не хотела говорить, но потом сказала вашу фамилию и имя. Короче, я пробила по инету. Так узнала, что вы живой и где живете. Мне же маман врала, что вы военный летчик и что погибли при выполнении тренировочного полета. Хотя я, конечно, не верила ни разу.

– Партизанка, – Плетнев ухмыльнулся. – А бабуля в курсе, где ты сейчас?

– Нет конечно. Я сказала, что к подруге на дачу едем.

– А Ирка правда в Копенгагене?

– Правда. Уже четыре года.

Плетнев покряхтел, пряча эмоции:

– Слушай, Вероника, у меня предложение: а давай на «ты» перейдем. Все-таки я теперь материализовался в твоей жизни, выходит, ты – плоть от плоти моей, и теряться нам теперь нет резона.

– Я – спать, – Ника проигнорировала предложение, широко зевнула и стала устраиваться на диване, оставив Плетнева с растревоженным ульем чувств и воспоминаний в радиусе шестнадцати лет.

День третий

Проснулась Ника от того, что кто-то гладил ее по щеке. Посмотрела сквозь ресницы – это Манька устроилась возле шеи и одновременно бережно и настойчиво, как умеют только кошки, касалась лапкой лица. Ника погладила Маньку – та заурчала, радостно вскочила и кинулась к своей миске, недвусмысленно оглядываясь. Ника потянулась, встала, налила ей молока. Поставила чайник.

Солнце билось в стекла, но таможня в виде слоя пыли нехотя пропускала его лучи. «Нет худа без добра – утром спать не мешает», – подумала Ника. Она положила в чашку ложку растворимого кофе, залила кипятком и, прихватив журнал, вышла на крыльцо. Плетнев уже сидел на «китайской» лавочке с выжженными иероглифами и курил.

– Доброе утро! – удивилась: – Что-то рановато сегодня.

– Это ты здорово придумала – будет завтрак на траве.

Пойду тоже налью.

Он вернулся, неся в одной руке чашку, в другой – тарелку с горкой бутербродов.

– Уплетай. Худая, как весенний грач. Хотя я таким же был в твои годы. Не знаю, откуда эта трудовая мозоль возникла, – он похлопал себя по животу. – Знаешь, Вероника, а ведь ты вчера меня удивила. Я, конечно, сразу заметил, что ты умная, но чтобы до такой степени... Я полночи думал, при-

кидывал. В аренду, конечно, клуб не сдать – не разрешат. Но можно поискать другой путь. Надо поставить этот чертов спектакль, взорвать, так сказать, мозг крестьянам и чиновникам. Я зарекомендую себя перед начальством, может, ставку поднимут или премию дадут, потом выбью доплату за дискотеки. Знала бы ты, каким я диджеем был в свое время! У меня до пожара коллекция раритетной музыки насчитывала больше тысячи дисков. Девчонки на дискотеках визжали, падали и сами собой в штабеля укладывались – выбирай, Валера, любую...

– Опять вы за свое. Меня триггерят эти рассуждения про ваши творческие перспективы. Ставьте чего хотите, хоть «Трех поросят», только без меня. Мне здесь больше делать нечего. Схожу в магазин, узнаю про автобус. Если отремонтировали – сразу и уеду.

– Да ты что, дочь! Мы же только начали привыкать друг к другу. И потом, мы вроде на «ты» договорились...

– Не заходит.

– Но ты послушай, мне вот какая мысль в голову пришла. Мы же с тобой не случайно на перекрестке возможностей оказались. Два одиноких путника. И если мы проявим решимость и единство – обязательно выиграем. Взойдем, так сказать, на новую ступень жизненного пьедестала. Я подумал вот о чем: прежде чем ехать в Копенгаген, тебе стоит получить какое-то свидетельство у нас в Россиюшке. Документ об образовании и хорошая рекомендация потянут на грант –

глядишь, в датской киношколе не придется вообще ничего платить. Они там в своих европах гранты щедро раздают. Ты только не подумай, это не избавляет меня от долга: миллион я тебе доставлю в лучшем виде. Будешь там в Дании как сыр в масле кататься... Так вот, могу тебя пристроить в колледж при ВГИКе – хошь на актерский, хошь на режиссерский или даже на сценарный. Володька, ректор ВГИКа, – мой давнишний кореш, в студенчестве вместе кавээнили, бомбили, так сказать, юмором столичную молодежь. Позвоню ему, делов-то. Он мне не откажет. Короче, поставим спектакль, словим свою минуту славы, запишем все это на видео. Я отправлю ему запись, и ты – студентка крутого киноколледжа, с шикарным портфолио.

– Да ладно?.. – недоверчивая улыбка, согретая призрачным лучом надежды, скользнула по лицу Ники.

– Утречка доброго! – сладко пропел женский голос, и через мгновенье из-за кустов показалась пышная фигура его обладательницы.

– О, Антонина Георгиевна, – вскочил Плетнев. – Какими судьбами?

Невысокая женщина лет сорока с формами рубенсовской красавицы томно подплыла к скамейке.

– Да вот, пришла навестить. Подумала – чем ты, Валера, кровиночку-то потчуеть? Уж больно худенькая она у тебя.

Сдобное лицо Антонины Рословой расплылось в сахарной улыбке, обозначив две игривые ямочки на щеках. С перво-

го взгляда можно было сказать, что она женщина, приятная во всех отношениях, если бы не пара макияжных недоразумений, сеющих сомнения: густо подведенные черным карандашом брови слишком диссонировали с легкими белокурыми кудряшками, а помада цвета фуксии делала еще тоньше и без того тонкие губы.

– Здравсьте, – не очень-то приветливо поздоровалась Ника.

– Ой, одно лицо! Как в зеркало глядеться, – слащаво замурлыкала Рослова. – К гадалке не ходи: не из родни, а в родню. Валерка молодой-то ох хорош был – глазищи как озера, в пол-лица, ресницы от густоты путались!

– Да ладно тебе, Антонина, прям смущаешь, – обнять гостью можно было, только прильнув к ней, что Плетнев и сделал.

– А я тут вам гостинцев принесла. Пусть девчонка городская побалуется. Молочко из-под коровы, сальце домашнее, грибочки маринованные, огурчики, помидорки, тушеночка кроличья, сама делала...

– Уважаю, Тоня! Кролик твой – шикардос, и эти огурцы в томатно-перечной заливке – бомба. Ничего подобного не ел в жизни.

Рослова махнула рукой – дескать, скажешь тоже. Кокетливо сообщила, что и наливочку домашнюю могла бы принести, да помнит про Валерин выпитый Байкал. Впрочем, ей пора – вдруг кого в медпункт невзначай принесет или, не дай бог, принесут.

– Тоня – медичка наша, хорошая женщина, – пояснил Плетнев.

Антонина удалилась, а Плетнев опустился на лавку, пригладил хвостик, задумался и вдруг прочитал вслух:

*Мне выпал завтра выходной,
И, если Тень Твоя не против,
Присяду я ее напротив
И проведу весь день – с Тобой.*

*Соскальзывает в жар тоска,
Застенчивы лишь разговоры,
Нетерпеливы рук узоры —
От плеч до жилки у виска.*

*И, головою к голове,
Смотрели в радостное небо
На птиц – свидетельниц побега
В один прожитый вместе век.*

*Я грез своих присел напротив,
Гляжусь – бокал почти пустой.
Дозволь допью я жизнь – с Тобой.
И Тень шепнула: «Я – не против»...*

Когда он закончил, повисла тишина. Плетнев, щурясь, смотрел вдаль, а Ника думала о маме. Низко-низко пролетела какая-то пичужка, едва не задев волосы. Плетнев достал

из кармана смятую пачку сигарет, вытащил одну, закурил:
– Эх, Ирка... Помню ее: стройная, юная, с пушистой челкой. Наверное, я все-таки дурак. Жизнь могла бы совсем по-другому пойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.